

Сюзан Доминус

**УСПЕХ РЕБЕНКА –
ПРЕДПОРЕДЕЛЕННОСТЬ
ИЛИ ВОСПИТАНИЕ?**

Истории семей
и их талантливых детей

Издательство АСТ
Москва

УДК 37.01
ББК 74.90
Д66

Published by arrangement
with Elyse Cheney Literary Associates LLC and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Ольги Мозгуновой*

Сьюзан Доминус

Д66 Успех ребенка — предопределенность или воспитание? Истории семей и их талантливых детей / Сьюзан Доминус; [перевод с англ. Ольги Мозгуновой.] – Москва: Издательство АСТ, 2025. — 480 с. — (Родители. Все, что надо знать)

ISBN 978-5-17-173178-6

Почему в одних семьях рождаются гении, спортсмены мирового уровня и талантливые творцы, а в других — нет?

Олимпийский чемпион, лауреат литературных премий, успешный предприниматель. Иногда выдающиеся таланты растут под одной крышей. Но что стоит за их успехом: гены, воспитание, влияние братьев и сестер— или просто случайность?

Отмеченная наградами журналистка *New York Times* Сьюзан Доминус исследует этот феномен через истории необычных семей. Среди них:

- Семья Чен — иммигранты, построившие ресторанный бизнес в США и воспитавшие четырех детей-вундеркиндов;
- Братья Грофф — олимпиец, писатель и предприниматель, добившиеся вершин в разных сферах;
- Сестры Войджицки — первопроходцы Кремниевой долины, бросившие вызов стереотипам;
- Семья Мургия — выходцы из бедности, ставшие голосом гражданских прав.

Вплетая в повествование данные научных исследований о «природе vs воспитании», Доминус задается вопросами:

- Как амбиции родителей влияют на детей?
- Что важнее для успеха — поддержка семьи или жесткая конкуренция?
- Какой ценой даются эти достижения?

Эта книга не просто сборник вдохновляющих историй. Это глубокий анализ того, как рождается гениальность, и честный разговор о тени, которую отбрасывают большие ожидания.

УДК 37.01
ББК 74.90

ISBN 978-5-17-173178-6

Copyright © 2025 by Susan Dominus:
“Published by arrangement with
Elyse Cheney Literary Associates
LLC and The Van Lear Agency LLC”
© ООО Издательство «АСТ», 2025

Моим мальчикам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно сказать, что написанием этой книги я начала заниматься еще с тех пор, как училась в четвертом классе. Именно тогда мои родители отправились в одну из многочисленных двухнедельных поездок по работе отца, оставив меня с близкими друзьями семьи в их просторном трехэтажном доме в викторианском стиле. Дом был расположен всего в нескольких кварталах от нашего, но обычаи и распорядок там были совсем другими. В нашей семье после ужина было принято вместе смотреть ситкомы эпохи 80-х. Точно не помню, чем именно перед сном занимались трое сыновей наших друзей, но телевизор, который стоял в комнате рядом с кухней, всегда был выключен. По ночам их мама, тетя Гейл, как я ее называла, часто сидела в этой комнате и читала до глубокой ночи. Она все время сидела неподвижно, лампа ярко освещала тяжелую книгу, лежавшую у нее на коленях.

Разница в семейных привычках становилась еще более заметной за ужином. Как правило, мои родители обсуждали работу отца, пока мы с братом и сестрой жевали свою еду, дурачились или в очередной раз дискутировали о том, почему сестре всегда достается место в углу. В доме, где я гостила, после изысканной трапезы отец семьи откладывал вилку, поднимал глаза на одного из сыновей и либо расспрашивал его о каком-нибудь недавнем событии, либо задавал при-

думанную на ходу математическую задачку, например, такую: из города А в 7:00 вылетает самолет со скоростью столько-то миль в час, а в другое время из города В вылетает другой самолет, который летит с такой-то скоростью, — в какой точке самолеты встретятся? Сыновья должны были самостоятельно найти решение в уме. Такие математические разминки доставляли мне массу удовольствия до того вечера, пока хозяин дома не задал подобный вопрос мне. После мучительно долгого молчания, когда в голове у меня было совершенно пусто, я просто разрыдалась.

Как единственной девочке в доме, мне потакали и даже немного баловали меня, но я все равно выдохнула с облегчением, когда наконец вернулись мои родители. В мою жизнь вернулись более понятные правила, которые они просили соблюдать за столом: помыть за собой тарелку или жевать с закрытым ртом. В то же время я стала задумываться и о других домашних традициях, которые теперь были мне известны, о том, насколько разнообразной может быть семейная культура с точки зрения родительских ожиданий и развития навыков. Математика давалась мне нелегко — но что было бы, если бы я решала математические задачи за ужином каждый вечер? Что, если бы я привыкла высказывать свое мнение о событиях прошедшего дня, отстаивать свою позицию? Куда бы это меня привело? Были ли подобные требования родителей благословением и удачей или же бременем, которое постоянно давило бы на меня?

Став взрослой, я превратилась в кого-то вроде «исследователя семьи», уделяя пристальное внимание деталям воспитания в семьях моих друзей и особенно

интересуясь тем, как они подходят к обогащению своей семейной культуры.

Еще до того, как я встретила свою дорогую подругу Аню Эпштейн на втором курсе колледжа, я знала от общих друзей о ее семейной родословной. Ее семья была богата жемчужинами кинематографа, ее отец, Лесли Эпштейн, был уважаемым романистом, а дед, Филипп Эпштейн, в соавторстве со своим братом-близнецом Джулиусом написал сценарий к фильму «Касабланка». После того как мы с Аней стали соседками по комнате в колледже, я с восторгом заслушивалась ее рассказами о семье, где высокие надежды возлагались не только на детей, но и на создаваемые ими произведения искусства. На одном из спектаклей, который она посетила недалеко от своего дома в Бруклине, штат Массачусетс, Аня, которой тогда было 9 лет, вскочила на ноги, чтобы присоединиться к остальным зрителям, аплодировавшим стоя. «Бостонская публика...» — прошипел Лесли, потянув ее за юбку, чтобы усадить обратно на место. Отец читал ей Диккенса перед сном, а на праздничных семейных мероприятиях к ним присоединялись такие известные писатели, как Джон Апдайк и Дорис Лессинг. Среди ее наиболее ранних и приятных воспоминаний об отце она выделяет совместное обсуждение идеи для детской сказки о морских и небесных звездах, которую Эпштейн собирался опубликовать.

Мне было любопытно узнать о других элементах их семейной культуры, которые, казалось, были связаны с их многочисленными достижениями, с их уверенностью или даже дерзостью. В этой семье превозносили непочтительность, провокационность и умение делать осторожные, но меткие и колкие замечания во имя спра-

ведливости. Семья гордилась тем, как близнецы отреагировали, когда комиссия по расследованию антиамериканской деятельности вызвала их в суд после того, как их начальник, Джек Уорнер, один из основателей кинокомпании Warner Bros., включил их имена в список писателей, которых он подозревал в лояльности к коммунистам. Как пишет Лесли Эпштейн в журнале Tablet, отправленная братьям официальная анкета содержала вопрос о том, состояли ли они когда-либо в диверсионном сообществе, и если да, то в каком именно. «На первый вопрос мы ответили: “Да”, а на второй ответ был следующим: “Warner Bros.” Больше комиссия нас не беспокоила», — писал Лесли Эпштейн.

Эпштейны гордились своим семейным остроумием и красноречием, а также, за исключением Ани, все они очень любили спорт. Одни из самых теплых воспоминаний Лесли о дяде и его отце, трагически погибшем молодым, связаны с футбольными матчами, которые они посещали вместе. Отец Ани не позволял ей себя беспокоить только в двух случаях: когда писал и когда следил за игрой «Бостон Ред Сокс» с ее младшими братьями-близнецами.

Нарратив лежал даже в основе успеха матери Ани, Илен Эпштейн, доброй и чуткой женщины, которая на протяжении примерно 40 лет вместе со своим близнецом и близкой подругой владела магазином одежды The Studio в Бруклине. Постоянные клиенты заглядывали туда не только за покупками, но и чтобы просто посидеть и рассказать свои истории, многие из которых потом пересказывались Ане за ужином.

В течение долгого времени я наблюдала за тем, как складывается жизнь детей семьи Эпштейн, в которой,

казалось, так четко отразилось их воспитание — не только их многочисленные привилегии, но и семейные ценности, влияние и ожидания. Аня сделала успешную карьеру сценариста на телевидении и выступила шоу-раннером таких сериалов, как «Любовники» и «Пациенты». Один из ее младших братьев, Пол, стал основателем благотворительной организации и любимым социальным работником в системе государственных школ Бруклина. В 2002 году его близнец Тео Эпштейн в возрасте 28 лет стал самым молодым генеральным менеджером бейсбольной команды «Ред Сокс» и на этой позиции начал одну из самых блестящих карьер в истории современного бейсбола. Он привел «Ред Сокс», а затем и «Чикаго Кабс» к историческим триумфам, попал на обложку журнала Fortune и занял первое место в рейтинге мировых лидеров 2017 года. Тео, который в данный момент является частичным владельцем «Ред Сокс» и старшим советником Fenway Sports Group, и Пол, управляющий фондом, который они основали вместе, собрали более 16 000 000 долларов на оплату обучения в колледже для студентов из малообеспеченных семей и поддержку некоммерческих организаций в Бостоне и Чикаго.

«Если честно, это меня слегка ошеломило... — сказал Лесли Эпштейн в интервью газете Boston Globe, когда Тео в 28 лет занял пост генерального менеджера «Ред Сокс». — Хотя Александр Македонский в 28 уже был генеральным менеджером мира».

Еще до встречи с Аней я с особым вниманием относилась к встречавшимся мне историям о формах культурного и интеллектуального развития детей в различных знаменитых успешных семьях, таких как семья Кеннеди, которая столь явно ценила и образование,

и дух конкуренции. В своих мемуарах «Мои двенадцать лет с Джоном Кеннеди» (*My Twelve Years with John F. Kennedy*) Эвелин Линкольн, личный секретарь Кеннеди, писала: «Пытливый ум Кеннеди и стремление к изучению всего вокруг отражали всю ту подготовку, которую он получил за семейным столом еще в детстве». Его отец, Джозеф Кеннеди-старший, определял тему разговора за столом — в своей книге Линкольн привела в пример «Алжир», — которую один из детей должен был представить и осветить за ужином, дав определенную экспертную оценку. Но остальные дети тоже должны были подготовиться к участию в обсуждении по выбранной теме, чтобы, как писала Линкольн, они могли задать вопросы рассказчику, когда он закончит свой доклад, и узнать, как много он на самом деле знает.

Мне было так любопытно узнать о подобных ритуалах в некоторых высокопоставленных семьях, что в 2012 году я написала статью, для которой взяла интервью у Франклина Фоера, одного из трех братьев, ставших авторами бестселлеров. В разговоре с ним я вспомнила статью в *New York Observer*, где Франклина, сейчас штатного писателя в *The Atlantic*, спросили, выступали ли они с братьями с докладами на разные темы за обеденным столом. «Это касалось только меня, потому что я был застенчивым», — пояснил Франклин Фоер. Но в беседе со мной он также уточнил, что эти обеденные беседы в его семье были необычайно разнообразными и открытыми. Как я писала в статье, отец вовлекал братьев в дебаты об экономической политике и гражданских правах, внимательно слушая их рассуждения. Разговор о политике «Звездных войн» Рейгана мог привести к дискуссии о том, почему невозможно

построить гигантский щит над Соединенными Штатами из конструктора «Лего». Туалетный юмор приветствовался: культура этой семьи была многогранной и всеобъемлющей, задеть кого-то было непросто. В одном из последующих интервью Франклин добавил, что большой оптимизм — некоторые назвали бы это амбициями — явно поощрялся. Мать Фоеров, которая хотела воспитать в своих детях уверенность в себе, создавала для них на дни рождения альбомы с фотографиями, на которых их головы были приклеены к телам великих людей или выдуманных персонажей, которыми они восхищались: Хана Соло, футболиста Сида Лакмана и Томаса Джефферсона.

Хотя мой постоянный интерес к историям семей был вызван тем ранним детским знакомством с домом наших друзей, меня также заинтересовала семья, с членами которой я никогда не встречалась, но благодаря часам чтения и перечитывания книг я чувствовала, что хорошо их знаю. Речь о трио сестер Бронте, чьи романы XIX века и сейчас остаются объектом анализа и восхищения любителей литературы.

Даже когда я плакала над унижениями, выпавшими на долю главной героини романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», или восторгалась жестокой природой страсти, описанной Эмили Бронте в «Грозовом перевале», во мне уже зарождались размышления о том, какие обстоятельства привели к тому, что две сестры стали писать подобные книги. В будущем эти размышления станут для меня привычным делом. Прошло еще немного времени, прежде чем я добралась до творчества их младшей сестры Энн, и мое любопытство только возросло. Романы Энн Бронте — «Агнес Грей» и «Незна-

комка из Уайлдфелл-Холла» — никогда не были культурными ориентирами, как «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал», однако Энн тоже писала оригинальные книги, непоколебимые в своей философии, феминистские и новаторские. Так что же произошло в семье Бронте и какой климат в ней сложился, что «молния три раза ударила в одно место»?

В 1857 году, через 2 года после смерти Шарлотты в возрасте 38 лет, ее подруга и романистка Элизабет Гаскелл опубликовала биографию «Жизнь Шарлотты Бронте». В своей книге Гаскелл по-своему попыталась ответить на тот же вопрос, что лежит и в основе каждой из глав этой книги: в чем секрет этой удивительной, выдающейся семьи? Ответы Гаскелл (которые также воспринимались как оправдание романисток, писавших столь «грубые» произведения) были достаточно интригующими, чтобы книга сразу же получила признание критиков, принесла автору финансовый успех и стала вдохновением для бесчисленных биографий, фильмов и телесериалов, каждый из которых создавался, чтобы удовлетворить любопытство следующих поколений читателей и зрителей. Биография Эмили, опубликованная в 1883 году, представляла собой трепетную критическую переоценку ее творчества, упор в которой был сделан на тему ее воспитания, что свидетельствует о том, насколько сильно именно история семьи способствовала признанию творчества сестер.

* * *

В какой-то момент я поняла, что выдающиеся семьи интересуют меня настолько, что я хочу прочитать книгу, в которой бы раскрывались общие для многих из них

темы, а поскольку ни одной такой работы я не знала, то решила провести исследование и написать такую книгу сама. Собирая подробности и отмечая повторяющиеся явления, я продолжала размышлять о различных аспектах истории семьи Бронте, которая была достаточно богатой, сложной и обширной, чтобы заинтересовать увлеченных «бронтологов». Однако я включила в книгу и многие другие важные темы, которые в конечном итоге появились в моих собственных репортажах о нескольких современных семьях. Я бы сказала, что семья Бронте обращает на себя внимание не только благодаря своей яркости и неординарности, но и благодаря резонирующим элементам своей истории и аспектам воспитания, которые стали для меня ориентирами. Благодаря этим ориентирам я смогла выделить ключевые детали в историях других семей, которые иначе, возможно, не сочла бы важными.

Во многих семьях, чьи истории я изучала, я наблюдала примеры отцов, напоминающих Патрика Бронте — отца сестер Бронте, овдовевшего священника, наделенного — к лучшему или к худшему — такой силой духа, что он смог пережить не только жену, но и всех шестерых детей. Я стала думать о Патрике Бронте как о борце и победителе, который идет наперекор обстоятельствам, как о человеке, который стал основой идентичности и истории целой семьи. Такие родители становятся легендами в своих семьях, даже если они никогда не достигали особой известности за ее пределами. Они служат живым доказательством того, что никакие внешние ограничения и барьеры не должны распространяться на семью и мешать ее членам строить свое будущее.

Такие родители могут громко заявлять о своих амбициях по отношению к детям, как и по отношению к себе

в свое время, или, не говоря ничего определенного, могут создать культуру достижения, просто установив достаточно высокую планку. Они выпускают стрелу амбиций и часто с удивлением обнаруживают, что не могут контролировать направление этой стрелы. Патрик Бронте любил поэзию и художественную литературу, как и его покойные дочери, но он был человеком своего времени и не мог мечтать о том, чтобы кто-то из дочерей реализовал мечты о литературном величии. Во всяком случае, как писала Шарлотта, отец советовал ей сосредоточиться на «обязанностях, которые должна выполнять женщина», — на шитье или преподавании, а не на чтении и сочинительстве. Однако, когда Шарлотта стала известной писательницей, он послал экземпляр «Джейн Эйр» своим родственникам в Ирландию, снабдив его запиской, полной слов гордости за дочь (хотя книга была опубликована под псевдонимом, ее настоящее имя, как он убедился, «было известно повсюду»).

На примере семьи Бронте я поняла, что зачастую именно братья и сестры помогают друг другу найти путь в будущее. Шарлотта была движущей силой профессионального успеха своих сестер. Именно она разглядела в них талант и активно помогала его развить. Осенью 1845 года, в возрасте 29 лет, Шарлотта, как она позже писала в эссе, наткнулась на целую стопку листов со стихами, написанными почерком Эмили. Они несли в себе «особую музыку — дикую, меланхоличную и возвышенную». Поначалу Эмили была раздражена тем, что Шарлотта сует нос не в свое дело, она считала такой интерес «неоправданной вольностью», которую старшая сестра позволяла себе, роаясь в ее бумагах. «Потребовались часы, чтобы примирить ее с открытием, кото-

рое я сделала, и дни, чтобы убедить ее, что такие стихи заслуживают публикации», — пишет Шарлотта в эссе, которое послужит предисловием к изданию «Грозового перевала» в 1850 году. В какой-то момент Энн предложила Шарлотте оценить ее собственные стихи. Каков был ее вердикт? В них был «свой милый искренний пафос», — написала Шарлотта, не слишком скупясь на похвалу. Шарлотта убедила сестер, что они должны вместе представить редактору томик своих стихов. Эта затея не имела успеха, но дала толчок их писательской карьере.

Поодиночке любая из сестер Бронте могла бы потерять веру в свое творчество или сохранить свои работы в тайне, но в процессе создания романов они составляли свое небольшое творческое объединение из трех человек, куда входили исключительно женщины, которые поддерживали друг друга.

Благодаря Бронте я поняла, что моя собственная книга будет не просто рассказывать о влиянии братьев и сестер друг на друга или о родительском вдохновении — она должна быть посвящена семейной динамике, сложному взаимодействию различных сил и влияний внутри семьи. Можно увлеченно анализировать факторы, которые привели к выдающимся достижениям Бронте, не ожидая, что они когда-либо будут воспроизведены в полном объеме. Как семья они представляют собой одну из прекраснейших статистических аномалий, и я буду неоднократно возвращаться к этим удивительным людям в главах книги.

Когда я начала писать эту книгу, я была матерью маленьких мальчиков-близнецов, которые сейчас уже поступили в колледж. На протяжении всего этого време-